

ЛЕД СЛОВ И ПЛАМЕНЬ МЫСЛЕЙ

К юбилею Марии Наумовны Виролайнен

Юбилейные дни, каким бы бременем они ни ложились на самого юбиляра, есть добрый повод не только сказать ему слова признательности, но и попытаться осмыслить то, что делается им в науке. Хотя в отношении Марии Наумовны Виролайнен, члена-корреспондента РАН, заведующей Отделом пушкиноведения Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, профессора Санкт-Петербургского государственного университета, одной наукой, любимой ею филологией, ограничиться нельзя. Потому что феномен М. Н. Виролайнен во многом уникален: оставаясь в строгих рамках истории русской литературы, она явила себя одновременно философом, мыслителем, сказавшим *свое*, очень важное слово в нашей культуре.

Что скрывается за сухими анкетными данными той, кто в 1975 году окончила Ленинградский государственный педагогический институт им. А. И. Герцена, поступила затем в аспирантуру Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР, в 1981 году защитила кандидатскую диссертацию «„Миргород“ Н. В. Гоголя: Проблемы стиля», в 2005 году — докторскую «Четыре типа русской словесной культуры: исторические трансформации», с 1981 года трудится в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, а с 2004 года возглавляет Отдел пушкиноведения и работу над академическим Полным собранием сочинений А. С. Пушкина?

Наверное, более яркое представление о М. Н. Виролайнен дает все же список ее трудов, который уже сам по себе есть интереснейший текст для «семиотического» прочтения. Очевидно, что два автора всегда остаются в центре ее внимания — Гоголь и Пушкин. Начиная Мария Наумовна с Гоголя, которому была посвящена ее кандидатская диссертация. И как бы ни переместилось в дальнейшем внимание Марии Наумовны на Александра Сергеевича, гоголевские миры не переставали будоражить ее ум: эстетика Гоголя, гоголевская мифология городов, катастрофизм гоголевского сознания, город-мир и сакральный сюжет у Гоголя, страх и смех в эстетике Гоголя, мифы города в мире Гоголя, гоголевский Петербург, брачные союзы в мире Гоголя, проза Гоголя как поэзия, брачный сюжет в гоголевском Петербурге — всё это темы ее многочисленных работ, посвященных этому причудливому классику русской литературы. Два, казалось бы, несопоставимых сюжета здесь отчетливо доминируют: гоголевский город и гоголевский стиль. Что Мария Наумовна понимает под гоголевским стилем, хорошо демонстрирует ее статья «Мир и стиль («Старосветские помещики» Гоголя)», написанная в 1979 году, но и по сей день остающаяся одним из наиболее ярких прочтений цикла «Миргород».¹ В ней как важнейшая стилистическая коллизия «Старосветских помещиков» рассматривается «конфликт между *предметом повествования*, то есть описываемым миром, и *авторским взглядом на предмет*, выраженным через способ

¹ Виролайнен М. Н. Мир и стиль («Старосветские помещики» Гоголя) // Вопросы литературы. 1979. № 4. С. 121–141. См. также: Виролайнен М. Н. «Миргород» Н. В. Гоголя: (Проблемы стиля): Автореф. дис. канд. филол. наук. Л., 1980.

повествования», что, как показано в работе, делает по существу неподвижный мир гоголевских персонажей непредсказуемым и разнообразным.

Это внимание к проблемам стиля, к тому, «как сделано», ушедшее со времен русских формалистов и ранних структуралистов на периферию филологической рефлексии, является одной из характерных и в наше время редких особенностей филологического письма М. Н. Виролайнен.

Другая влекущая ее тема — гоголевский (и не только) город, сублимировавшийся в Петербурге, городе *par excellence*, который, конечно же, есть место действия гоголевской и пушкинской прозы, но который еще и открывает в раздумьях Марии Наумовны важную историософскую тему города как культурного мифа.² О том, что при всей широте охвата историософского материала здесь явно присутствует и личное, можно только догадываться. Как сказал С. Г. Бочаров в предисловии к книге М. Н. Виролайнен «Речь и молчание. Сюжеты и мифы русской словесности»,³ вобравшей в себя многие из написанных ею прежде статей, такое и должно было быть написано в Петербурге, в истории которого «так плотно сошлись и так остро разыгрывались наши русско-европейские и христианско-языческие сюжеты и конфликты».⁴ А ведь о границах, прочерченных для личности культурой, М. Н. Виролайнен тоже размышляла.⁵ Как и о той недосказанной самим Пушкиным, но все же заданной им теме «плена старинного», сублимировавшегося в финском граните⁶ и нашедшего уже после Пушкина свое отражение в русской литературе (например, в «Саламандре» В. Ф. Одоевского). Бывают странные сближения: то, что сама М. Н. Виролайнен называет тривиальной исторической истиной («власть побежденных над победителями»), то, что С. Г. Бочаров наделяет «силой весомого афоризма», составляет ныне один из приоритетных предметов исследований теоретиков и практиков культурного трансфера, у которых процесс этот по аналогии с тем, что происходило в том числе в структуре океанических обществ, называется *потлач* — цепь даров и ответных даров, где акт дарения являет собой способ утверждения превосходства над тем, кто этот дар принимает.⁷

О том, что сделано М. Н. Виролайнен в пушкиноведении, можно было бы писать страницы и страницы. Но осмыслить всё сделанное ею далеко не просто. Потому что есть блестящие пушкиноведческие работы, которые мы всегда читаем с неподдельным интересом. Но есть и мало кому, кроме участвующих в подготовке нового Полного собрания сочинений А. С. Пушкина сотрудников пушкинской группы, заметный титанический труд: текстолога, комментатора и строгого редактора-перфекциониста, доводящего каждый раздел готовящегося им тома до возможного совершенства.

В последнее время в деятельности М. Н. Виролайнен наметилось еще одно направление, хотя, строго говоря, подсказано оно всей предшествующей эво-

² Виролайнен М. Н. 1) Город как символ культурно-исторического мифа (петербургский миф на фоне древнерусской традиции) // Atti del Convegno internazionale «Mitologia della città». Università degli Studi di Sassari. Sassari, 2002. P. 101–110; 2) Петербургский миф в XVIII и начале XIX века // Ibid. P. 121–128; 3) Петербургский миф в «Медном всаднике» Пушкина // Ibid. P. 137–144.

³ Виролайнен М. Н. Речь и молчание: Сюжеты и мифы русской словесности / Предисловие С. Г. Бочарова. СПб., 2003 (2-е изд.: СПб.; М., 2016; 3-е изд.: СПб., 2022).

⁴ Бочаров С. Г. Поверх барьеров // Там же. С. 10.

⁵ Виролайнен М. Н. Границы личности в биографическом мифе золотого и серебряного века // Науковий вісник Ізмаїльського державного гуманітарного університету: Сб. наук. праць. Ізмаїл, 2005. Вип. 18. С. 23–27.

⁶ Виролайнен М. Н. Камень-Петр и финский гранит: О петербургских идолах: Два Петра // Atti del Convegno internazionale «Mitologia della città». P. 9–16.

⁷ Эспань М. История цивилизаций как культурный трансфер / Пер. с фр.; под общ. ред. Е. Е. Дмитриевой; вступ. статья Е. Е. Дмитриевой. М., 2018. С. 218.

люцией ее филологических изысканий. Уже упомянутая книга «Речь и молчание...» начинается словами: «Мы стоим на грани крупнейшего слома времени, крупнейшей качественной трансформации культуры. <...> Вопрос, который мы пока еще вольны решать, заключается только в одном: если человечество выживет, преодолев экологический кризис, будут ли „новое небо“ и „новая земля“ отделены бездной от того культурного космоса, которому принадлежат наше сознание и наша жизнь, — или же мы, вопреки почти очевидной невозможности этого, найдем средства для восстановления культурной связи времен, для преодоления бездны, разверзающейся между нами и будущим».⁸

Мужественная во многом попытка восстановления связи времен, предпринятая М. Н. Виролайнен в монографии, вобравшей в себя также и размышления над древнерусской литературой, определение «хронологических границ нашего культурного космоса» и ценностных ориентиров, «с помощью которых мы так или иначе различаем мир», нашла продолжение в ее новейшем стремлении пересмотреть наши традиционные представления о ходе развития русской литературы, совершив словно «обратный перевод» (в том значении, которое придавал этому термину А. В. Михайлов).⁹

И здесь заслуживает внимания развивавшееся во времени творческое, хотя и не декларируемое содружество М. Н. Виролайнен с В. Н. Топоровым в осмыслении этапов развития русской словесности. Несомненную близость, взаимокорректирующую и при этом не допускающую полного сходства, можно проиллюстрировать на примере концепции Топорова, изложенной в тезисах доклада «К вопросу о циклах в истории русской литературы», прочитанного в Таллине в 1985 году,¹⁰ и замечательной работы М. Н. Виролайнен «Структура культурного космоса русской истории», опубликованной в сборнике «Пути и миражи русской культуры» в 1994 году.¹¹ Концепция Топорова, бесконфликтно вобравшая в себя представление о столетии как культурном цикле, легла в основу готовящейся в Пушкинском Доме новой «Истории русской литературы». От нее унаследована убежденность в большей значимости, но и быстротечности судьбоносных «узлов» по сравнению с подготавливаемыми ими «циклами».

М. Н. Виролайнен предложила свою концепцию структуры культурного космоса русской истории, логика которой заключается в том, что период четырехуровневой культуры (уровень канона — уровень парадигмы — уровень слова — уровень непосредственного бытия) сменяется периодами трехуровневой (уровень парадигмы — уровень слова — уровень непосредственного бытия), двухуровневой (уровень слова — уровень непосредственного бытия) и, наконец, одноуровневой (уровень непосредственного бытия). Эта концепция вполне может быть применима для построения оригинальной «Истории русской словесности», четыре эпохи (цикла) которой объединяются тремя переходными периодами (узлами).

Остается предположить, что такая «История русской словесности», Марией Наумовой задуманная, только ею одной и может быть написана. Не

⁸ Виролайнен М. Н. Речь и молчание: Сюжеты и мифы русской словесности. С. 15–16 (глава «Структура культурного космоса русской истории»).

⁹ См. об этом: Виролайнен М. Н. 1) «Золотой век» как литературный феномен: попытка характеристики // Пушкинские чтения в Тарту. Tartu: Tartu University Press, 2011. [Вып.] 5. Ч. 1. С. 32–39; 2) Русский романтизм как проблема // Русская литература. 2024. № 1. С. 5–24.

¹⁰ Топоров В. Н. К вопросу о циклах в истории русской литературы // Литературный процесс и развитие русской литературы XVIII–XX вв. Тезисы научной конференции. Таллин, 1985. С. 4–10.

¹¹ Виролайнен М. Н. Структура культурного космоса русской истории // Пути и миражи русской культуры. СПб., 1994. С. 9–57.

только коллеги, не разделяющие взглядов М. Н. Виролайнен, но и сочувствующие ей, не способны были бы на должном уровне подготовить подобную «Историю». Пока же мы можем удовлетворить наше любопытство, ознакомившись с ее общим абрисом в вышеупомянутой статье, а также с кратким вариантом этой «Истории», представленным в книге «Исторические метаморфозы русской словесности».¹²

Тем самым эта яркая авторская «История русской литературы» существует, хотя в ней отсутствуют некоторые главы, которые Мария Наумовна должна будет написать и добавить. Логика сцеплений между «узлами» и «циклами» будет несколько иной, чем в той, которая сейчас готовится в Пушкинском Доме. Возможно, в ней «узлам», представляющим особый интерес для истории народа и его культуры, будут посвящены отдельные тома. Кстати, согласно монографии «Исторические метаморфозы русской словесности», любимый Виролайнен «Золотой век» мог бы оказаться «узловым», переходным, пограничным томом между томами, посвященными «Восемнадцатому веку» и эпохе русского реализма (в терминологии, но, главное, согласно замыслу Виролайнен — «Парадигмальной культуре» и «Эпохе слова»).

В уже отчасти написанной, хотя еще и не завершенной «Истории русской литературы» М. Н. Виролайнен есть Введение («Структура культурного космоса русской истории»), а также такие ключевые главы разных томов, как «Повесть временных лет: реконструкция летописного исторического сюжета через систему канонических представлений», «Столкновение канона и парадигмы в период никоновских реформ», «Выдвижение парадигмы на вершину культурной иерархии в период петровских реформ», «Парадигма — посредница между словом и бытием на закате парадигмальной культуры», «Пересечение границы в поэтике Пушкина», «Слово и непосредственное бытие в контексте двухуровневой культуры», «Проблема границы в сюжете и стиле Гоголя», «„Летописание“ Достоевского», «Новые первоэлементы культурного космоса. Число как инобытие слова в творческих исканиях Хлебникова», «Постмодернистское сознание как феномен одноуровневой культуры».

Мы очень надеемся, что в ближайшее время эта «История» будет дописана. Но одновременно будут задуманы и написаны новые книги и статьи, прямого отношения к этой «Истории» не имеющие, будут отредактированы новые тома академических собраний сочинений, принципы подготовки которых будут рождаться в спорах, появятся новые ученики, которые пойдут своим путем. Потому что свое слово, сказанное Марией Наумовной, и то, которое ей еще только предстоит сказать, на то и *свое*, что оно непредсказуемо.

В. Е. Багно, Е. Е. Дмитриева

¹² Виролайнен М. Исторические метаморфозы русской словесности. СПб., 2007.